

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.010
УДК 821.161.1-1 + 801.82 + 323.22/.28

О. И. Северская
*Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия*

ПОЭТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ И «ПЕРЕСТРОЙКА» ПОЭТИКИ: О ВЛИЯНИИ ЭПОХИ НА ЯЗЫК РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1980–2000-х гг.

В статье представлена попытка социокультурного и социолингвистического исследования текстов поэтического поколения эпохи перестройки, т. е. поэтов, «ментальность» и «почерк» которых формировались в 1970-е гг., а активное участие в литературном процессе началось в 1980-х гг. Цель исследования — определить основные черты парадигмы перестройки (общие социокультурные эмоции, система ценностей, «пароли» эпохи, набор ключевых слов и «вещей», общий тип семиотических отношений и «парадигмообразующего» языка), отразившиеся в творчестве поколения, к которому принадлежат метареалисты (И. Жданов, А. Парщиков, А. Еременко, В. Аристов, А. Драгомощенко и нек. др.), концептуалисты (Д. А. Пригов, Л. Рубинштейн, Т. Кибиров) и иронисты (В. Друк, Н. Искренко, Ю. Арабов). В исследовании поэтических текстов применялись методы корпусного и лингвокультурного сопоставительного анализа, ключевые слова и понятия эпохи перестройки определялись методом сплошной выборки из специализированных словарей, а кроме того, выделялись с помощью метода дискурс-анализа в текстах политической публицистики. Автору удалось выявить в поэзии 1980–2000-х гг. рефлексы представления о «застое» в использовании тавтологии, о «двуязычии» советского времени — в противопоставлениях «простого» и «сложного», «буквального» и «поэтического», «поверхностного» и «глубинного», «ада» и «рая», с которым связывается понятие «личного пространства» в контексте характерных для перестройки «разукрупнения» и «гуманизации». В статье также рассматриваются параллели концепции открытого мира, сотрудничества и сотворчества, гласности и демократии с принципами построения поэтического мира и отношений с читателем. В результате автор приходит к выводу, что поэзия 1980–2000-х гг. закономерно встраивается в социокультурную и языковую парадигму перестройки.

Ключевые слова: лингвопоэтика; социокультурная парадигма; постсоветская поэзия; поэтическое поколение; метареализм; концептуализм; ироническая поэзия; перестройка.

Цитирование: *Северская О. И.* Поэтика перестройки и «перестройка» поэтики: о влиянии эпохи на язык русской поэзии 1980–2000-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 134–154.

*Поступила в редакцию 04.01.2019
Принята к печати 12.02.2019*

Olga I. Severskaya

V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS
Moscow, Russia

**THE POETICS OF PERESTROIKA
AND THE “PERESTROIKA” OF POETICS:
ON THE INFLUENCE OF THE EPOCH ON THE LANGUAGE
OF 1980s–2000s RUSSIAN POETRY**

This article is an attempt at sociocultural and sociolinguistic studies of texts of the poetic generation of Perestroika, i.e. poets whose “mentality” and “writing style” were formed in the 1970s, and whose active participation in the literary process began in the 1980s. The purpose of the study is to identify the main features of the paradigm of Perestroika (common sociocultural emotions, the system of values, the “passwords” of the epoch, the set of keywords and “things”, the general type of semiotic relations and “paradigm-forming” language), reflected in the work of the generation represented by meta-realists (I. Zhdanov, A. Parshchikov, A. Eremenko, V. Aristov, A. Dragomoshchenko, etc.), conceptualists (D. A. Prigov, L. Rubinstein, T. Kibirov), and ironists (V. Druk, N. Iskrenko, Y. Arabov). In the study of poetic texts, the author employs corpus and linguocultural comparative analysis methods, determining the key words and concepts of the epoch of Perestroika by means of continuous sampling from specialised dictionaries. Additionally, they are singled out using the method of discourse analysis in political journalism texts. In the poetry of the 1980s–2000s, the author manages to identify reflexes of the concept of “stagnation” in the use of tautologies, and of the “bilingualism” of the Soviet time in the oppositions between “simple” and “complex”, “literal” and “poetic”, “superficial” and “deep”, “Hell” and “Paradise”, which is associated with the concept of “personal space” in the context of “unbundling” and “humanisation” characteristic of the restructuring. The article also discusses the parallels of the concept of open world, cooperation and co-creation, “glasnost” and democracy with the principles of building a poetic world and relations with the reader. As a result, the author concludes that the poetry of the 1980s–2000s is naturally incorporated into the socio-cultural and linguistic paradigm of Perestroika.

Key words: linguistic poetics; socio-cultural paradigm; post-Soviet poetry; poetic generation; meta-realism; conceptualism; ironic poetry; Perestroika.

Citation: Severskaya, O. I. (2019). Poetika perestroiki i “perestroika” poetiki: o vliianii epokhi na iazyk russkoi poezii 1980–2000-kh gg. [The Poetics of Perestroika and the “Perestroika” of Poetics: On the Influence of the Epoch on the Language of 1980s–2000s Russian Poetry]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 134–154.

Submitted on 04 January, 2019

Accepted on 12 February, 2019

Литература, как это следует из словарных определений, представляет собой совокупность произведений человеческой мысли, зафиксированных на письме

и принадлежащих не только человечеству в целом или какому-либо народу, но и определенной эпохе.

Ю. С. Степанов некогда предложил рассматривать развитие литературы как историю «парадигм» («философий языка» и поэтик), подчеркнув, что «изгиб» линии их развития придает язык, нечто вроде культурно-исторического «койне» [Степанов, 1985, с. 5], а само развитие определяют прежде всего «общественно-художественные активные процессы» и обобщенные «типы» субъектов творчества, стремящиеся к «утверждению себя <...> через реальную общественно-художественную работу» [Степанов, 2006, с. 6]. В развитие этих идей Н. Б. Бакач обратила внимание на «поколенческую» природу парадигмы культуры [Бакач, с. 59–95], которую формируют общие социокультурные эмоции, система ценностей, «пароли» эпохи, набор ключевых слов и «вещей», общий тип семиотических отношений и «парадигмообразующего» языка.

Что касается поколения, в социокультурном аспекте это группа людей, родившихся примерно в одно время и имеющих одинаковый исторический опыт или общее «поколенческое переживание» [Kamińska], иными словами, «все, кто в момент общественного потрясения, требующего ответа, оказался в дееспособном возрасте и включился в ответ» [Чудакова, с. 80]. Потрясением совсем не обязательно становятся революции, войны и иные катаклизмы: М. Я. Мачеевски к «роковым» событиям относит и периоды «великого затишья», стагнации [Maciejewsky, s. 347], которые также дают поколениям отрицательный опыт. В лингвистическом же плане поколение отличает отказ от использования старого языка в пользу нового, актуального для меняющейся картины мира.

Постараемся определить основные черты парадигмы перестройки, отразившиеся в творчестве поколения, к которому принадлежат метареалисты (И. Жданов, А. Парщиков, А. Еременко, В. Аристов, А. Драгомощенко и нек. др.), концептуалисты (Д. А. Пригов, Л. Рубинштейн, Т. Кибиров) и иронисты (В. Друк, Н. Искренко, Ю. Арабов). Эти поэты родились примерно в одно время (в целом разброс по датам рождения дает 30 лет, необходимых для передачи поколенческих ценностей внутри культурной парадигмы) и стали активными участниками литературного процесса как раз в эпоху перестройки, в начале 1980-х, сформировав «почерк» и «ментальность» в 1970-е гг., в атмосфере экономико-политического «застоя» развитого социализма.

1. Перестройка: эмоции, «пароли», ключевые слова и их отражение в поэзии

Поэтическое поколение «восьмидесятников», осмысляя свой социокультурный опыт уже на рубеже XX–XXI вв., оставило любопытные свидетельства об особенностях времени своего вхождения в литературный процесс. С одной стороны, В. Аристов упоминает о «социальной зиме» и опыте «времени без времени» [Аристов, 1997, с. 53–54], а А. Парщиков — о жизни «на медленном огне» [Парщиков, 2006, с. 14]. С другой — в мемуарной

прозе метареалистов присутствует и образ «ветра перемен», свежего дыхания новой жизни. Так, А. Драгомощенко, один из организаторов проходившей в 1989 г. школы «Язык. Сознание. Общество», в которой приняли участие и его поэтические «ровесники» из США и Франции, писал в предисловии к русскому переводу посвященного этому событию романа-хроники «Leningrad»: «общая приподнятость той поры, интеллектуальная раздраженность, жадное желание общения, ускоренность переживаемого времени и, главное, ощущение причастности к истории придавали этой затее не только специфическое очарование общего дела, но и успешно позволяли искать мгновения соприкосновения с мировой культурой, надеясь на возможности изменения в том, что и называется сознанием-языком-обществом» [Leningrad].

В. Аристов, говоря о том, что во время «застоя» поэзия, «тотально усредненная» и «помещенная в исключительные в своей непроницаемости стены», вынуждена была сосредоточиться на борьбе с разрушительным режимом и только сохраняла прежнюю культуру, всячески консервируя ситуацию, так определял потом начало «мета»-пути к новому: «Первые опыты в духе метареализма не были только реакцией на социальную ситуацию. Не были они и лишь реакцией на состояние и “стояние” в поэзии, где призывы к “простоте” означали, по сути, допустимость и желательность профанации формы. Поиски “сложного” поэтического выражения означали необходимость выразить открывающийся мир будущего в еще неясной и радостной нерасписанной сложности, хаотичности и влекущей привлекательности в отличие от устоявшегося распорядка культуры и мира с его унылой “постмодернистской” повторяемостью» [Аристов, 1997, с. 48]. Движение к новому метареалисты начинают в полном соответствии с лозунгом эпохи: «Перестройка. Ускорение. Гласность», но творчески его переосмысляют.

Ускорение достигается ими за счет привнесения диалектики в повторяемость.

Обращаясь к опыту конца 1970-х гг., А. Парщиков пишет: «Метареалисты играли тождествами, чтобы осмелить евклидово пространство. <...> И если удавалось высвободить из конструкций обихода внутреннюю форму объекта <...> и языка, риторика дискредитировала себя. <...> Прием сопоставления одних и тех же вещей в ложном и “правильном” значении как раз высвобождал энергию внутренней формы и вызывал катарсический эффект» [Парщиков, 2006, с. 79]. В последней своей книге «Тавтология» А. Драгомощенко также пишет, опираясь на игру родственных морфологически и/или семантически слов, о том, как *«говор / вступает в сговор с молвою, / где война тавтологии / в скважинах связей безмятежно цветет»* [Драгомощенко, 2011, с. 319], одновременно (с помощью лексико-семантического повтора) обнажая тавтологию как риторическую фигуру, а кроме того, приходит к заключению: *«Тавтология не является мыслимой точкой / равновесия значений, но описанием пространства / между появлением смысла и его расширением»* [Там же, с. 441]. Появляется в творчестве метареалистов и мотив двойничества, близнечной парности.

Достаточно вспомнить «Холмы» И. Жданова, где двойится холм, помещенный нигде и всюду: «Этот холм в степи, неумышленно голый...» [Жданов, с. 105], ср.: «И тот же холм в степи, крутой и голый...» [Там же]; в свете как будто другом и странном видятся и тропы, щебень, пыль, воздух, кровь, связанные в один узел пространства [Там же, с. 106]. В «Ливне» Е. Даенина используется тавтологичная антитеза: «было небо мякотью брошенного яблока... и не было яблока, не было мякоти, не было неба...» [Даенин, с. 21]. У А. Парщикова в «Мемуарном реквиеме» между терриконом и углем располагаются «...слоистые, как сланцы, дубли / все удаленнее (их тысячи, по Гессе) / от матрицы...» [Парщиков, 1996, с. 29], а в «Стеклянных башнях» разлетаются невидимые осколки башен: «ничего не увидишь ты но поймаешь звон / дубли от них отделяются стекляннее предыдущих» [Там же, с. 34]. Таким образом, кажущийся незыблемым, не изменяющийся во времени мир получает ускорение за счет внутренних превращений, что подчеркивает В. Аристов: «Метареализм можно попытаться определить как способ изображения в постоянном преобразовании, метаморфозе, трансформации» [Аристов, 1997, с. 50].

Поэтическим аналогом гласности становится способ изображения, который позволяет миру заговорить самостоятельно. Например, в «Мастере» И. Жданов, прощупывая в сумраке перекрытия, находит пазы отверстых голосов и беззвучные проекции мира: «и раздавалось где-то то и дело / ...задыхаюсь... душно... отвори...» [Жданов, с. 79]. Высказыванием мира о самом себе становится и — троп, сохраняющий и эксплицирующий все звенья преобразования: от реальности к метафоре — через метафору-сравнение и метонимию [Северская, 2011]. Образ верифицируется как реальностью, сопряжением ее состояний, так и языком. Первому случаю соответствует строка А. Парщикова «**Клубились сосны в быстром оперенье**» [Парщиков, 1996, с. 12] — кроны сосен в глазах поэта похожи на клубящиеся облака, а перистые облака, возможно, пролетают над соснами, создавая зрительное впечатление «встречи» клубящихся сосновых крон с перистыми облаками, которые и превращаются в их «оперенье». Второй способ построения образа — от языка к реальности — использует А. Драгомощенко в «Кухонной элегии»: «...чай жил птенцом в узорной клетке чашки» [Драгомощенко, 1990], — эта строка, по его собственному замечанию, начинается с испарения. Действительно, испарение вызывает в памяти парение, сизый дымок превращается в оперение испаряющегося чая — и вот уже перед нами чай-птенец, рвущийся на волю из расписной чашки-клетки. В другом примере, из стихов В. Аристова, нельзя точно сказать, о чем идет речь, какие выражения употребляются в прямом, а какие — в переносном смысле, нельзя отделить реальность от ее образа: «**Гроза в небесных покоях / И железный зигзаг, оставшийся в бархате тульи заморской / С влажной слезой в пыльном покрове лет, — / железный зигзаг со слезой**» [Аристов, 2008, с. 66], — может быть и шляпной булавкой с прозрачным камнем, и молнией в каплях дождя на «бархате» свода грозового неба, гроза — и природным катаклизмом, и «бурей чувств с потоками слез», разразившейся в небесно-синей комнате.

В двоящейся (а на самом деле многократно преображающейся) метареальности можно видеть и рефлекс двуязычия советского времени, научившего, по словам В. Аристова, поэтов поколения перестройки «улавливать тайные знаки из ничего»: «Наш опыт времени без времени открыл тайное внутреннее пространство всеобщего, которое и означало некоторую незримую цель пути. <...> Изобразить мир, открывшийся в сладостном прозрении <...>, где мрачное и светлое движутся в незнакомом единстве» [Аристов, 1997, с. 55]. Другой пример того же рефлекса — попытки метареалистов «очистить» язык, вернуть его к изначальным формам и смыслам. Так, И. Жданов в «Рапсодии батареи отопительной системы» поверяет слова реальностью (и наоборот): «*Чайник в обнимку со словом “вода” / к речке идет, а в слове “вода” / накупь, как в чайнике*» [Жданов, с. 85]; а в «Оранте» ищет слова «за звуковым барьером, в слоеном сугробе агоний»: «*Шепот ночной трубы на свету обратится в слово*» [Там же, с. 88]. Нужно сказать, что не только метареалисты в этот период ищут адекватный «вещный язык» [Северская, 2013а], в поиске «смысла вещей» и их «предназначенья» реальность заставляет пройти «языковой тест», например, В. Салимон, чья поэтика близка как метареалистам, так и иронистам: «*На кончик языка попробуй, а там — решай...*» [Салимон, 1998]. А иронист В. Друк доводит оживление внутренней формы до абсурда: «*Лоботрясы лбом трясут, Пылесосы пыль сосут*»; «*Ценности. Человек не может жить без цен. Я дам тебе денег*» [Друк, с. 145].

Несмотря на общее впечатление «адского» существования, замурованности в закрытом социальном и культурном пространстве, метареалисты не создают, по словам А. Парщикова, «поэтического путеводителя по аду с детальным интервьюированием жертв», но «драм у р а я», переживаемую в давящей атмосфере эпохи «застоя», называют основным литературным конфликтом [Парщиков, 2006, с. 81]. Перемещение из ада в рай требует постоянного самоопределения, «игры на повышение» в соответствии с бесконечным усложнением мира, а драматизм состоит в непонимании происходящего, переживании своего несоответствия открывающимся навстречу «световым стихиям» и возможностям [Там же, с. 117–119]. В том же ключе «драма рая» представлена в поэзии Н. Искренко [Северская, 2018, с. 61–62]. Интересно, что и у концептуалистов, никогда не писавших о рае, можно найти свидетельства близких переживаний: «*Нам всем грозит свобода, свобода без конца...*», — пишет, например, в то же время Д. А. Пригов [Пригов]. И литературные критики в начале перестройки также указывают на страх «восьмидесятников» перед внезапной свободой творчества, на их неумение распорядиться возможностями, дарованными гласностью [Роднянская].

Р а й так же, как и реальность, осмысливается поэтическим поколением перестройки сквозь призму д в у я з ы ч и я. В обыденном языке *рай* в прямом значении — это место вечного блаженства, в которое попадают души праведников в будущей, неземной жизни, а *рай* в переносном смысле — это условия жизни, доставляющие удовольствие, наслаждение, *рай земной*. В поэтическом языке

1980–2000-х гг. вектор переноса переосмысливается: от материального, чрезмерно буквализированного, к духовному, поэтизированному. У С. Соловьева встречаются «*пайковый рай, / не рай, не нирвана, а хищная форма простого глагола to be*» («Нелюбовь») и «*сувенирная травма рая*» («Анна») как образы *гуманитарной* помощи Запада [Соловьев, 2010]. Г у м а н и т а р н ы й р а й отвергается в пользу г у м а н и с т и ч е с к о г о, а точнее, раю возвращается его первоначальное значение и значимость обиталища души человека, конкретной личности.

Об этом говорят и биографические факты: в частности, Т. Щербина отмечает в статье-некрологе, что А. Парщиков «оборудовал себе метафизическую пещеру, уединение, в котором хранились стихи, письма, чтение», *райский уголок* в «непролазных дебрях ада», и «выстоял до конца, *райское сберег*» [Щербина, 2009], и поэтические образы, — например, *доморощенного рая, кокона комнаты* у С. Соловьева [2010]; а возможно, «собственный рай в аду» имеет в виду и А. Еременко в одном из своих неканонических сонетов: «*Как хорошо у бездны на краю / Загнуться в хате, выстроенной с краю...*» [Еременко], обыгрывая главный словесный символ индивидуализма советского времени. Как свидетельствует В. Аристов, для его поколения «в поэзии <...> определялись условия и вообще сама возможность человеческого существования в слове миропорядка, в социальной отторгнутости человека» [Аристов, 1997, с. 53]. И, как ни может это показаться натянутым, в этом также видится рефлекс «перестроечного» движения от коллективного к индивидуальному, установки на «суверенитет».

Еще одно ключевое слово, «р а з у к р у п н е н и е», можно ассоциативно связать с характерной для «восьмидесятников» установкой на создание «моно-онтологии» (онтологии единичности), в которой «ощущение полноты и исчерпанности бытия единичности <...> ведет к выходу в объединяющее пространство множественности новых сущностей» и при этом «“монадность” каждого не должна разрушиться, она должна быть лишь открыта в это пространство» [Там же, с. 55].

Что касается «световых стихий», то проблески рая [Северская, 2018, с. 61, 63] — не единственное их проявление. В поэзии 1980–2000-х гг. актуализируется и представление о луче света в темном царстве, который освобождается от всего «наносного».

Д. А. Пригов, например, ищет света в подземном царстве метро:

Заметил я, как тяжело народ в метро спит
Как-то тупо и бессодержательно, хотя бывают и молодые на вид
Может быть, жизнь такая, а может, глубина выше человеческих сил
Ведь это же все на уровне могил
И даже больше — на уровне того света, а живут и свет горит
Вот только спят тяжело, хотя и живые на вид,

[Пригов]

а также иронизирует по поводу роли поэта-светоча:

И самый мало-мальский Гете
Попав в наш сумрачный предел
Не смог, когда б и захотел
Осмыслить свысока все это
Посредством бесполезных слов.

[Пригов]

А у В. Аристова, апеллирующего в условиях «социальной зимы, окрасившей лица особым светом» [Аристов, 1997, с. 54], к итальянскому герметизму и в особенности к Э. Монтале с его поисками ответа на вопрос, «возможна ли еще поэзия» [Северская, 2013б, с. 163], появляется во «Флоренции влажной» образ светового колодца в замкнутости официального искусства: «в итальянском дворике / мы продвигались год за годом <...> ко входу этому / по сути, мы очутились своим ходом / под теми же сводами уффициального искусства, / где каждый копиист — пиит; **тот же свет, да не тот же мир**» [Аристов, 2008, с. 297], а в «Воскресной ярмарке в Форосе» «людская жизнь шевелится / **неозаренным золотом** “Рая” Тинторетто / в палаццо дождей» [Там же, с. 149]. «**Лучится, будто кино, утраченная среда обитания**» [Парщиков, 1996, с. 8] и в «Землетрясении в бухте Цэ» А. Парщикова.

Но не только «высокие материи» привлекают поэтов-«восьмидесятников». В их стихах достаточно и ярких примет времени. Например, в кажущейся на первый взгляд бредом строчке Н. Искренко «разговаривали у киоска **две салатницы с майонезкой**» [Искренко, с. 6] фотографически точно воспроизводится уличная торговля конца 1980-х гг., и речь, конечно, о *торговках* салатом и майонезом. А у Д. А. Пригова (чьи стихи можно назвать «энциклопедией советской жизни») находим не только точное описание ключевых понятий советского быта *достать* и *из-под прилавка*: «В полуфабрикатах **достал я азу** / И в сумке домой аккуратно несу // **А из-за прилавка** совсем не таяся / С огромным **куском незаконного мяса** / Выходит какая-то старая б****» [Пригов], и *очередь* со знаменитым «вас здесь не стояло!»: «Вот **из очереди**, гады / **Выперли меня** / Я стоял за виноградом / Полакомиться мян / Налетели злые бабы / **Говорят, что не стоял**» [Там же], и приходящими в очереди ерническими мыслями и неуместными в бытовом контексте поэтизмами: «Вот **в очереди** тихонько **стою** / И думаю себе отчасти: / Вот Пушкина бы в очередь сию / И Лермонтова в очередь сию / И Блока тоже в очередь сию / О чем писали бы? — о счастье» [Там же]. Или же намек на то, о чем «не говорят», — на *диссидентство*, еще одно ключевое понятие эпохи: «А завтра — может быть **решетка** / Или **страна чужая** непривычная» [Там же]; «И так не хочется, скажи / **За убеждения садиться** / А надо» [Там же].

Достаточно много в поэзии «восьмидесятников» и так называемых «слесных паролей» эпох. Если Т. Кибиров чаще обращается к советскому наследию: «**Спойте песню мне, братья Покрассы!** / Младшим братом **я вам подпою!** <...> / **Спой мне ветер, веселый мой ветер**, / Про красивых и гордых людей, / Что поют и смеются, как дети, / На просторах Отчизны своей!» [Кибиров, 1987], или: «**Капитан, капитан, улыбнитесь!** Гражданин капитан, пощади!»

[Кибилов, 1987] (аллюзии к песням В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского и боевым маршам братьев Покрасс), то Д. А. Пригов цитирует авторов времени «развитого социализма»: *«Вода из крана вытекает <...> / Из этого что вытекает? — / А вытекает: надо жить / И сарафаны шить из ситца...»* [Пригов] (аллюзия к «Диалогу у новогодней елки» Ю. Левитанского и Э. Колмановского в исполнении Т. и С. Никитиных). А В. Аристов упоминает *«рай, где он не был никогда»* [Аристов, 2008, с. 149], отсылая тем самым к «Прощальному письму» Д. Умецкого и В. Бутусова, «гимну» неформальных перестроечных движений, и его ключевым строкам, одному из словесных «паролей» эпохи перестройки: *«гуд-бай, Америка, / где я не был никогда, / <...> нас так долго учили / любить твои запретные плоды»*. Любопытно, что это «прощание» почти совпало по времени с подписанием в 1988 г. Указа о полном прекращении глушения зарубежных радиостанций в СССР, в том числе и «Голоса Америки», много лет считавшегося «голосом свободы».

2. Установка на конструктивный диалог и отношения с читателями

Не проводя прямых параллелей между политическим и поэтическим дискурсами эпохи перестройки и тем более не говоря о зависимости одного от другого, отметим все же некоторое сходство в их развитии.

В Нобелевской лекции М. С. Горбачева есть ряд ключевых моментов, в известной степени созвучных исканиям поэтов-«восьмидесятников».

Во-первых, это возврат к пониманию «м и р а» как «о б щ и н ы» и ряд связанных с этим тезисов: мир постулируется как «движение к всеобщности, универсальности», «не единоподобие, а единство в многообразии, сопоставлении и согласии разностей», что «предполагает восхождение от простого сосуществования к сотрудничеству и сотворчеству» [Горбачев], что весьма близко к уже рассмотренному пониманию мира (реального и поэтического) поэтами «перестроечной» волны.

Во-вторых, в контексте нового мышления звучит: «М ы х о т и м б ы т ь п о н я т ы м и» [Там же], и эти слова в полной мере могут быть отнесены к отношениям, которые поэтическое поколение 1980–2000-х гг. хотело бы построить с читателями.

Приняв курс на «сложность» и противопоставив ее официальной «простоте», это поколение не скрывало заинтересованности в обнаружении в социокультурном и социоязыковом поле «своего» читателя. А. Парщиков формулировал это так: *«Писатель — читатель — это секта в идеале <...>, но это все же ограниченный круг, его надо ограничить, чтобы не потерять <...> красоту общения»* [С чем идем в мир, с. 64]. Эта же мысль поэтически была представлена Е. Даениным: *«строчки выпрямляются / расширяясь // разрываются / оболочки / аудитории // круг / сужаясь // приближается к точке»* [Даенин, с. 66]. Идеолог новой поэзии М. Н. Эпштейн также считал важным для развития поэзии присутствие в поэтическом сознании образа адресата — «внутреннего читателя»,

который не совпадает с социально-типическим, и призывал «развивать читателя, а не угождать ему» [С чем идем в мир, с. 70]. В соответствии с этим поэты 1980–2000-х гг. начинают обучать читателя своему языку.

Обращает на себя внимание множество прямых обращений к читателю, либо в виде призыва: «*Побудь со мной. Поговори со мной*» [Гандлевский], либо в виде прагматической инструкции: «*Цель в обретении средства*» [Даенин, с. 56], либо в подсказке не понимать поэта буквально: «*Поэт — шельмец и плут / и враг чистоты писания*» [Салимон, 1995]. Читателю могут также указывать на принципиальную выводимость смысла поэтического высказывания, на логику построения текста, пусть и в шуточной форме, как в «Теореме о предмете явления пространства-времени» Е. Даенина или в математически точном «словесном доказательстве» во «Фрау-мадам» В. Друка.

Практически всегда читателю подсказывают, о чем пойдет речь, либо прямо указывая на референт (*потомок гидравлической Арахны* — это кот в «Орнаменте» И. Жданова) или типичную ситуацию и фрейм ее интерпретации (как в «Зиме» или «Грозе» С. Гандлевского), либо «погружая» читателя в ситуацию с помощью звуковых «жестов», создающих образ чувственно воспринимаемой реальности и задающих векторы связей в представленном «положении дел», или же задавая коммуникативные рамки с помощью прагматических переменных *я, ты, здесь, сейчас, мир* [Северская, 2017].

Даже в самых «сложных» текстах читатель может обратиться к общему фонду знаний, опереться на свое знание словарных значений, общезыковой фразеологии, разного рода прецедентных феноменов и, обнаружив «топики», погружаться в текст, интегрируя смыслы по законам коммуникативной перспективы, следуя от поверхностных структур к глубинным, языковым и поэтическим, и практически однозначно определяя, что же хотел сказать автор [Там же].

При этом смысловую «глубину» обретает и самый, на первый взгляд, «поверхностный» текст, что можно показать на примере из «Появления героя» Л. Рубинштейна: «— *Ну что я вам могу сказать!* / <...> — *Послушай, что я написал*» [Рубинштейн], — внимательный читатель, обнаружив прагматическую «инструкцию» (*послушай, что я написал* значит «постарайся понять, что я хочу тебе сообщить»), вернется мысленно к началу текста и объединит два высказывания в одно (*Послушай, что я написал: / Ну что я вам могу сказать!*), а вслед за этим, активизировав свои знания о мире литературных текстов, вспомнит о письме Татьяны к Онегину (*Я к вам пишу — Чего же боле?*).

Если допустить, что «я» этого хрестоматийного текста и есть «я»-«первоговорящего», то «я»-авторское в рассматриваемом примере и «я» пушкинского произведения идентифицируются как «говорящие одно и то же». Таким образом, высказывание в нашем случае может быть продолжено и интерпретировано так: *Ну что я вам могу сказать! / Теперь, я знаю, в вашей воле / Меня презреньем наказать. / Но вы, к моей несчастной доле / Хоть каплю жалости храня, / Вы не оставите меня.* Глядя уже сквозь эту призму, можно открыть и другие соответствия, например, Татьянинному *сначала я молчать хотела* у Л. Рубинштейна

можно сопоставить *он что-то знает, но молчит*. Важно и то, что читатель получает недвусмысленное указание прочесть текст в координатах мира пушкинской «энциклопедии русской жизни». Действительно, в поэме Л. Рубинштейна «Появление героя» сам *герой*, как и Онегин, оказывается *лишним человеком*, а автор, по наблюдению А. Зорина, монтирует «ходовые формулы нашего повседневного речевого поведения», укладывая их в четырехстопный ямб, «внешне беспорядочно, но так, чтобы в совокупности они создавали целостное представление о бытовом укладе жизни современного интеллигентного горожанина, обретающей в своем ежедневном идиотизме почти пушкинское звучание» [Зорин, с. 269]. Отсылка же к пушкинскому тексту, который «присваивается» говорящим не в глубинно-поэтическом, а буквально-языковом значении, дает читателю «намек» на то, что содержанием любого высказывания в мире текста становится некий концепт.

Таким образом, в поэтическом дискурсе эпохи перестройки актуализируется общий, неоднократно декларированный М. С. Горбачевым принцип: «начать процесс, а затем расширить его и углубить», то же актуально и в отношении закладываемых поэтами в тексты механизмов интерпретации.

Еще одно ключевое слово эпохи перестройки — *демократия* — в поэтическом дискурсе созвучно тому, что У. Эко определял как «власть читателя» [Эко, с. 25, 76].

С одной стороны, поэты-«восьмидесятники» *демократию* всячески вышучивают. В частности, у Д. А. Пригова есть такое рассуждение: «*Демократия слаба — / Она любит человека / А человек ее не любит / Во всяком случае у нас...*» [Пригов]. «Играют в демократию» и Н. Искренко, чьи «Приятно деньги держать в руках...» [Искренко, с. 7] или «Течет по скрипке...» [Там же, с. 18] представляют собой что-то вроде словесного sudoku или сканворда, в котором «одним концом больше, одним меньше» [Там же], и Е. Даенин, предлагающий читателю в одноименном тексте, своего рода поэтико-психологическом тесте, «ненужное зачеркнуть»: «*поэзия — это хорошо (плохо). еще лучше (хуже) — проза. гораздо лучше (хуже), когда проза — поэзия. и уж совсем хорошо (плохо), когда поэзия — проза*» [Даенин, с. 3].

С другой стороны, поэты рубежа веков явно рассчитывают на созвучное и вектору эпохи *сотрудничество и сотворчество* читателем. Многие, как, например, иронист В. Друк, оценивают перспективу такого сотрудничества вполне оптимистично: «*Читатель умнее текста. <...> Через текст, помимо текста, вопреки тексту, над текстом — мы вступаем в тайный и сладостный сговор*» [Друк, с. 141], т. е. признают «демократию» в области интерпретации.

Декларируемая на политическом уровне необходимость *конструктивного диалога* на всех языках также преломляется в поэтических текстах того времени. С открытием границ становится актуальным знание мировых языков, и в то же время, как и в речи интеллигенции, в поэзии увеличивается число иноязычных вкраплений.

Использует поэтическое поколение рубежа XX–XXI вв. вкрапления из других языков чаще всего как иконический знак иной реальности: «— *It's a pity, / Я вас*

плохо понимаю. — Я тоже. — Митя. — *Nice to meet you.* / Леша»; «Над улочкой, не помнящей разлук, / протянешь руку из окна — и вдруг / в ней ощутишь тепло другой руки, / и шепот: *mio caro, bello*, рук / не разнимай! К утру она с другим / на *piazza*, где бурлят торги» [Соловьев, 1993, с. 287], нередко экспериментируя при этом с формой иноязычного слова: «Чье-то хилое *body* делает *building...*» [Арабов]. Иногда заимствования даются в русской транслитерации: «Не знаю, не знаю, какая там *vita nova*, какая *нюу лайф...*» [Щербина, 2008]. В отдельных случаях на присутствие иностранного слова указывает речевой жест: «Путая с немецким английский, она бредила: “Везде, везде надгробья, — всхлипывая, — елки (*по-русски*) палки (*по-немецки*) вот напомнило про мужа и Майорку он умер (*англ.*) там (*нем.*) пишевод (*не помню на каком*) от рака”» [Соловьев, 1993, с. 291–292]. Встречаются и тексты, в которых проявляется языковая компетенция поэта, переходящего с языка на язык (например, с русского на украинский, а затем на английский) без потери смысла, как у А. Драгомощенко в «Островах сирен»: «*Я вижу пролив, изрезанный облаками. <...> А там де вітер грає — шуляк стогне. All the difference we get in the stone*» [Драгомощенко, 1990].

Еще одним проявлением поэтического многоголосия в открытости миру следует признать особую «мультимедиальность» поэтических текстов конца XX в., проявляющуюся в семиотическом трансфере в поэзию языков других искусств — живописи в «Натюрморте» Е. Бершина (в подзаголовке — уточнение: *холст, масло*) и «Осколках фресок и фраз» В. Аристова, музыки в «Джазе» С. Соловьева, «Джаз-импровизации» И. Жданова, «Мемуарном реквиеме» А. Парщикова, «Фуге» Н. Искренко, театра в «До слова» И. Жданова, «Амфитеатре печатной машинки» С. Соловьева, «Вступлении к поэме “Я жил на поле Полтавской битвы”» А. Парщикова и др.

3. Деструкция «социальных идиом» и «сакральных текстов»

«Языковой сдвиг», конституирующий в свою очередь парадигму перестройки, в поэзии 1980–2000-х гг. осуществляется в результате д е с т р у к ц и и как обыденного и официально-поэтического языка, так и так называемых «с о ц и а л ь н ы х и д и о м».

Особенно преуспевают в игре с социально-политическими клише поэты-концептуалисты.

Кроме уже упомянутых «банальных» рассуждений о демократии и свободе, Д. А. Пригов много внимания уделяет отношениям народа и власти: «За окном внизу — **народ и власть**» [Пригов]; «**Народ он делится на ненарод / И на народ в буквальном смысле**» [Там же]; «**Кто очень хочет — тот увидит / Народ российский — что он есть!**» [Там же]; страны и ее правительства:

Как представляется правительству страна
Она ему удобной представляется
И обозримой тоже представляется
И собственной, конечно, представляется

Как представляется правительство стране
Оно ему далеким представляется
Далеким и отдельным представляется
И неотвязным тоже представляется
А иногда совсем не представляется,

[Пригов]

позволяет себе иронизировать над «парадом похорон» (одно из устойчивых выражений конца «развитого социализма»): «*О, страна моя родная / Понесла ты в эту ночь / И не сына и не дочь / А тяжёлую утрату / Понесла ее куда ты?*» [Там же], или подтрунивать над «правоохранителями», восхищаясь с *пристрастием взирающими друг на друга* Милицанерами: «*В смысле, все должно быть, брат, честно и в полном соответствии с социалистической законностью*» [Там же], соединяя в одной тавтологичной конструкции два языка, общезыковую *честность* и советский эвфемизм нарушений закона в интересах руководящей верхушки.

Есть в текстах Д. А. Пригова и примеры деструкции хрестоматийных поэтизмов. Например, в истории *устроившего постирушку бедного господина* явно прочитывается пушкинское «он уважать себя заставил», звучащее абсурдно в приводимых обстоятельствах: «**Он стирать себя заставил / Все дела свои оставил / А завтра может и помрет**» [Пригов]. Здесь речь не о развенчании авторитета Пушкина, а, скорее, о невозможности в данных условиях пробудить Пушкина в себе. Нечто похожее можно видеть и в напоминающем конструктор из речевых стереотипов и банальностей «Шестикрылом Серафиме» Л. Рубинштейна: «*И ангелы бывают разные. <...> Да и вы не Пушкин*» [Рубинштейн], с вкраплением пушкинских цитат: «*Перстами легкими, как сон...*», «*Прощай, свободная стихия!*», с призывом, как бы адресованным Пушкиным младшему брату: «*Левушка, иди к нам!*» [Там же].

У Т. Кибирова есть примеры деструкции не только советских, но и «перестроечных» социальных идиом: «*Мчится, мчится запущенный трактор. / Но кабина пуста — погляди! / Где же ты, **человеческий фактор**? / Ну, куда же запрятался ты?*» [Кибиров, 1994а], — номинация, в политическом дискурсе указывающая на гуманизацию социальных отношений, здесь используется как знак дегуманизации, исключения всего человеческого. Можно упомянуть и его пародию на «сакральный» текст: «Речь товарища К. У. Черненко на юбилейном пленуме правления союза писателей СССР 25 сентября 1984 года. **Вот гул затих. Он вышел на подмости. Прокашлявшись, он начал:** “Дорогие товарищи! Ваш пленум посвящен пятидесятилетию события значительного очень”...» [Кибиров, 1994б], где ложная цитата из речи Генерального секретаря КПСС указывает на «Гамлета» Б. Пастернака, а это стихотворение, в свою очередь, создает подтекст, который заставляет по-новому посмотреть на скоротечность пребывания на вершине власти, и при этом заурадная речь комически приобретает шекспировскую интонацию (возможно, здесь есть и аллюзия к Гёте: *Shakespeare und kein Ende*).

Примеров пародирования «сакральных» общественно-политических текстов в русской поэзии 1980-х гг. немало. Например, в «Проекте Конституции» Н. Искренко появляется формулировка «*Граждане СССР имеют право на **труп***» [Искренко, с. 92], которая соотносится сразу с двумя статьями основного закона страны: ст. 20.1. *Каждый имеет право на жизнь* (за счет карнавального противопоставления *жизни* и *смерти*) и ст. 37.3. *Каждый имеет право на **труд***... (за счет звуко смыслового сближения, поддержанного смыслом содержащегося в статье Конституции указания на *условия труда, отвечающие требованиям безопасности*). А И. Иртеньев, выбравший литературную маску «поэт-правдоруб», пародирует традиционное Новогоднее обращение главы государства к российскому народу: «***Я поздравляю с Новым годом / Тебя, любимая страна, / Довольно ехать задним ходом, / Пришли иные времена...***» [Иртеньев]. В этом тексте — не только пародия на ежегодное новогоднее поздравление главы государства, но и аллюзия к строкам Лермонтова: «*Мы долго молча отступали, / Досадно было, боя ждали*», и ассоциация со стихотворением «День Родины» С. Михалкова: «*Бьют часы на Спасской башне, / Провожая день вчерашний...*». В интерпретации важны именно «общие места», точки перехода от одного текста к другому — от лермонтовского «*да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри — не вы*» к строчкам Михалкова: «*Молодое наше племя, / Грозных лет лихое время / Пережили мы давно. / А для вас, ребят, оно / Только в книжках и в кино*», благодаря которым возникает представление о дурной бесконечности российской истории, в которой каждый век — *тревожный и бурный*.

В некоторые периоды в литературе преобладает интерес к интерпретации текстов, находящихся на противоположном полюсе официальной ценностной градации, и к извлечению из них нужной совокупности смыслов, на что указывает С. Ю. Преображенский [1989, с. 45]. Ссылка на «*не подцензурный авторитет*» маркируется аллюзивной цитатой — фрагментом текста широко известного первоисточника.

Это можно показать на примере «Летних размышлений о судьбах изящной словесности» Т. Кибирова, который не только иронизирует по поводу того, что «*пост-шик-модерн российский / задрав штаны бежит за **узником бастильским***» [Кибиров, 2005], но и противопоставляет общей увлеченности *маркизом де Садом* (а именно он имеется в виду) свой собственный литературный интерес: «*Вообще-то мне милей **другой французский зэк, / воспетый Пушкиным...***» [Там же]. Остается только заглянуть в пушкинского «Андрея Шенье», чтобы обнаружить и вечный вопрос русской истории: *Где воля и закон?*, и мечту о светлом будущем: «*Отечества рыданье / Разбудит утомленный рок. <...> / Постой, стой; день только, день один: / **И казней нет, и всем свобода, / И жив великий гражданин / Среди великого народа***», и собственно поэтическое: «*Куда, куда завлек меня враждебный гений? <...> / Ты, слово, звук пустой... / О, нет! Умолкни, ропот малодушный! / **Гордись и радуйся, поэт: / Ты не поник главой послушной / Перед позором наших лет...***». Аллюзия связывает *бастильского узника* и с *узником шильонским* (с младшим братом которого, вероятно, и ассоциирует

себя поэт-концептуалист), а это позволяет вспомнить о морали одноименной поэмы Байрона, переведенной Жуковским: узник настолько свыкся с темницей, что обретение свободы его нисколько не радует. Таким образом, не адресуя своему читателю прямого политического послания, автор вместе с тем — апеллируя к читательскому знанию и воображению — делает цитируемые и ассоциативно привлекаемые произведения его носителем, что А. Зайцева склонна расценивать как практику «артивизма» (социального протеста и диалога с властью) с применением тактики «ухода от репрессий» [Зайцева, с. 50].

В поэме А. Парщикова «Я жил на поле Полтавской битвы», в главе «Первая пушка» есть такой фрагмент: *«Кто знал, что паровоз эту тьму растревожит? / “У него, — писал Маркс, — было в сущности две ноги, / которые он попеременно поднимал, как лошадь”»* [Парщиков, 1996, с. 96]. Приведенная в нем цитата оформлена по всем правилам, в сноске дается библиографическая отсылка: *«Маркс К. Капитал. «Партиздат», 1936. Т. 1, стр. 311»*, и это абсолютно точное воспроизведение слов Маркса о первом локомотиве [Маркс, с. 301], том самом *паровозе*, который поэту напоминает *пушка на шестиколесном помосте* (в русском языке слово *помост* многозначно, поэтому отсылает к *театральным подмосткам* и *театру военных действий*). Заимствуя образ у классика марксизма, поэт решает две задачи. С одной стороны, с помощью цитаты он вводит имплицитное противопоставление *мирных полей* и *полей сражений*, а заодно заостряет внимание на многозначности слова *орудие*, благодаря которой *инструмент, приспособление для выполнения работы* (а именно о таких *орудиях* в широком контексте рассуждает Маркс) становится *оружием*. С другой — деформирует навязываемую аксиологию текстов (а поэма относится к концу советского периода) почти хулиганской ссылкой на сакральный, непрекаемый авторитет.

У А. Парщикова в обращении к Марксу нет ничего от политики. Он, судя по всему, верит, что внимательный читатель найдет приведенную цитату в оригинальном варианте и поймет: поэта интересуют рассуждения Маркса о взаимном превращении форм. Образ *локомотива-лошади* это только знак, который указывает на нужный фрагмент оригинального текста. А в этом тексте мы можем обнаружить метатекст, в котором и идет речь о механике и формах:

До какой степени старая форма средства производства господствует вначале над его новой формой, показывает, между прочим, даже самое поверхностное сравнение современного парового ткацкого станка со старым, современных приспособлений для дутья на чугунолитейных заводах — с первоначальным немощным механическим воспроизведением обыкновенного кузнечного меха и, быть может, убедительнее, чем все остальное, — первый локомотив, сделанный до изобретения теперешних локомотивов: у него было в сущности две ноги, которые он попеременно поднимал, как лошадь. Только с дальнейшим развитием механики и с накоплением практического опыта форма машины начинает всецело определяться принципами механики и потому совершенно освобождается от старинной формы того орудия, которое превращается в машину [Маркс, с. 301–302].

А. Парщиков в своей поэме также рассуждает о принципах механики, когда говорит об изобретении оружия, первой пушке и пр. Но он интересуется прежде всего *механикой возникновения образа*. И образ, заимствованный у Маркса, помогает сопоставить две «машинерии». Близки поэту и рассуждения Маркса о духе вещей. При этом, заметим, уважение к вещи как к знаку «вещного» языка — это один из важнейших догматов метареализма. Метареалисты также отождествляют поэтический язык и язык науки [Северская, 2007, с. 18–19]. А что касается Маркса, то некоторые исследователи отмечают, что его поэзия повлияла на его философию и научную мысль [Quante]. Маркс как поэт и традиционен в своем романтизме и идеализме, и революционен одновременно. Авангардность поэзии Маркса заключается в стремлении к разрушению традиций, к созданию новой картины нового мира в космическом его измерении [Wittstock]. И в этой авангардной космогоничности Маркс сближается с русским авангардом, который также пытается исследовать неизведанное, сделать свои научно-поэтические открытия.

В стихах Маркса и Парщикова обнаруживаются неожиданные параллели. Например, между *Schöpfung* («творчеством») Маркса, с его *световыми волнами, воздушностью и парящими мирами, и лучающейся, будто кино, утраченной средой обитания, трепещущим воздухом, блуждающими временами, зазором между миром и антимиром* из «Землетрясения в бухте Цэ» А. Парщикова. Или между *Dichtung* («поэзией») Маркса с образами *текущих форм, воспламеняющихся и превосходящих душу, разрывающих ее структур и колебаниями через меня бегущего эфира, фигурами интуиции, избытком самого себя, Моцартами трехлетними, воспламеняющими мир* из «Денег» А. Парщикова: «У нас есть интуиция — избыток / самих себя. Астральный род фигур, / сгорая, оставляющий улиток» [Парщиков, 1996, с. 182] и т. п.

Заметим, что интерес к поэзии Маркса относится не только к эпохе перестройки. Он вновь возник в России в связи с переосмыслением опыта преобразований и 100-летием Революции. «Что было бы, если бы у Маркса обнаружился поэтический талант и он стал поэтом, и только поэтом? Наверное, в этом случае ход всемирной истории был бы несколько иным», — пишет Ю. Каграманов в статье «Маркс между поэзией и алгеброй» [Каграманов]. Вспомним и эссе «Карл Маркс — русский поэт» С. Шаргунова:

Что мы знаем про Карла Маркса? Он первый, кто пустил «трамвай желаний» по стальным рельсам рациональной теории. <...> Но главным был все-таки не базис, а та искрящаяся на солнце, летящая к рваным облакам надстройка, имя которой — вера в лучший мир. <...> Маркса хоть и чтили как святителя, но кровью жизни была безумная, переливающаяся солнцем, призрачная надстройка романтического братства, а не сухой экономический базис, первично было сознание сказочное, а вовсе не то трудное бытие, которое давило коленом на грудную клетку. В этом смысле Маркс — русский. Потому что поэт [Шаргунов].

Где источник такого интереса? Маркс, как и любой авангардный поэт, создавал в свое время поэтический базис, по отношению к которому реальный

мир — надстройка. Вряд ли А. Парщиков читал стихи Маркса, но «Капитал», как и все, изучал в студенческие годы. Тем ценнее творческое преодоление марксистской идеологии, своего рода очищение ее от «наносного», и в этом поэт идет дальше своих поэтических «ровесников» и выходит за рамки характерного для эпохи перестройки отказа от марксистско-ленинской идеологии.

Проведенный анализ показывает, что поэзия 1980–2000-х гг. закономерно встраивается в социокультурную и языковую парадигму перестройки, рефлектируя над определяющими эпоху принципами ускорения, гласности, возврата к здравому смыслу, демократии, гуманизации социальных отношений, единства в многообразии, открытости мира, установки на конструктивный диалог и взаимопонимание. Векторы перестройки поэтики, наметившиеся в эту эпоху, продолжают развитие и в наши дни в поэтическом диалоге с властью как поэтов-журналистов Д. Быкова и Л. Каганова, так и представителей так называемой «новой социальной поэзии» — М. Амелина, К. Медведева, В. Нугатова и др., с отчетливой тенденцией к политизации поэтического дискурса.

Источники

- Арабов Ю.* Воздух: Книга стихов. М.: Футурум-БМ, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/yuriy-arabov-vozduh> (дата обращения: 28.01.2019).
- Аристов В.* Избранные стихи и поэмы. СПб.: ИНАПРЕСС, 2008.
- Гандлевский С.* Праздник: Книга стихов. СПб.: Пушкинский фонд, 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/gandlevsky1-2.html> (дата обращения: 28.01.2019).
- Горбачев М. С.* Нобелевская лекция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/spezhran/spezhgorby.htm> (дата обращения: 28.01.2019).
- Даенин Е.* Возведение в степень. М.: Изд. Е. Пахомовой, 2000.
- Драгомощенко А.* Небо соответствий. Л.: Сов. писатель ЛО, 1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/dragomot4-4.html> (дата обращения: 28.01.2019).
- Драгомощенко А.* Тавтология: стихотворения, эссе / предисл. А. Скидана, послесл. Е. Павлова. М.: Новое лит. обозрение, 2011.
- Друк В.* Коммутатор: Стихи. Поэмы. Тексты. М.: ИМА-пресс, 1991.
- Еременко А.* «Как хорошо у бездны на краю...» [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/aleksandr-eremenko-izbrannoe#11> (дата обращения: 28.01.2019).
- Жданов И.* Воздух и ветер. М.: Наука, 2006.
- Искренко Н.* Или: Стихи и тексты. М.: Сов. писатель, 1991.
- Иртеньев И.* «Я поздравляю с Новым годом...» (s. d.) [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/igor-irtenev-poet-pravdorub> (дата обращения: 28.01.2019).
- Кибилов Т.* Сквозь прощальные слезы (1987) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3262734/post113147776/> (дата обращения: 28.01.2019).
- Кибилов Т.* Ветер перемен [Электронный ресурс] // Кибилов Т. Сантименты: восемь книг. Белгород, 1994а. URL: <https://www.rulit.me/books/santimenty-read-225159-5.html> (дата обращения: 28.01.2019).
- Кибилов Т.* Речь К. У. Черненко... [Электронный ресурс] // Кибилов Т. Сантименты: восемь книг. Белгород, 1994б. URL: <https://www.rulit.me/books/santimenty-read-225159-8.html> (дата обращения: 28.01.2019).

Киби́ров Т. Стихи. М. : Время, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/timur-kibirov-stihotvoreniya> (дата обращения: 28.01.2019).

Маркс К. Капитал. Т. 1. М. : АСТ, 2001.

Парщиков А. Выбранное. М. : ИЦ «Гарант», 1996.

Пригов Д. А. Написанное с 1975 по 1989. М. : Новое лит. обозрение, 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prigov4.html> (дата обращения: 28.01.2019).

Рубинштейн Л. Регулярное письмо. Стихи. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/contents.html> (дата обращения: 28.01.2019).

Салимон В. «Грех на душу по молодости лет...» [Электронный ресурс] // Салимон В. За наше счастливое детство. М. : Академия художеств, 1995. URL: <http://kassandriion.narod.ru/commentary/01/12salim.htm> (дата обращения: 28.01.2019).

Салимон В. Брильянтовый и золотой. Новые стихотворения. М. : Изд. Игорь Мосин, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/1999/1> (дата обращения: 28.01.2019).

Соловьев С. Пир. Тексты. Стихи. Беседы. Николаев : Академия ; Симферополь : Таврия, 1993.

Соловьев С. В стороне. М. : НЛО, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/soloviev4-1.html> (дата обращения: 28.01.2019).

Щербина Т. Побег смысла. Избранные стихи. 1979–2008 / сост. Д. Кузьмин. М. : АРГО-РИСК : Кн. обозрение, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shcherbina1.html> (дата обращения: 28.01.2019).

Щербина Т. Алексей Парщиков. Сорок дней [Электронный ресурс] // Частный наблюдатель. 12.05.2009. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=6224> (дата обращения: 28.01.2019).

Исследования

Аристов В. Заметки о «мета» // Арион : журн. поэзии. 1997. № 4. С. 48–60.

Бакач Н. Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа : дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1998.

Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 4 (72). С. 47–69.

Зорин А. «Альманах» — взгляд из зала // «Личное дело №...»: литературно-художественный альманах. М. : Союзтеатр, 1991. С. 246–271.

Каграманов Ю. Маркс между поэзией и алгеброй [Электронный ресурс] // Новый мир. 2008. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/10/ka16-pr.html (дата обращения: 28.01.2019).

Парщиков А. Рай медленного огня : Эссе, письма, комментарии. М. : Новое лит. обозрение, 2006.

Преображенский С. Ю. К типологии межтекстовых отношений: аллюзия и цитата // Русская альтернативная поэзия XX века / Т. А. Михайлова (отв. ред.). М. : Изд. МГУ, 1989. С. 43–47.

Роднянская И. Назад — к Орфею! // Новый мир. 1988. № 3. С. 240–244.

С чем идем в мир? Материалы круглого стола // Поэзия : альманах. 1988. Вып. 50. С. 57–84.

Северская О. И. Язык поэтической школы. Идиолект, идиостиль, социолект. М. : Словари.ру, 2007.

Северская О. И. Координатный костяк всей мироколицы. Метаметафора в современной поэзии // Рус. речь. 2011. № 1. С. 37–42.

Северская О. И. Лингвистическая философия метареализма (поэзия и поэтическая метатеория) // Имидж — диалог — эксперимент: Поля современной русской поэзии / Х. Шталь, М. Рутц (ред.). München ; Berlin ; Washington D.C. : Otto Sagner Verlag, 2013a. С. 91–117.

Северская О. И. «Тот же свет, да не тот же мир» (образ Италии в стихах С. Соловьева и В. Аристов) // Диалог культур: «итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе : материалы междунар. науч. конф. (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 9–11 июня 2011 г.). М. : Инфотех, 2013б. С. 161–172.

Северская О. И. Актуализация поэтического высказывания как интерпретационная практика // Грамматические исследования поэтического текста : материалы междунар. науч. конф. (7–10 сентября 2017 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 44–48.

Северская О. И. Образы рая в русской поэзии конца XX века // Слово.ру. Балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 2. С. 60–68.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М. : Наука, 1985.

Степанов Ю. С. Семиотика. Философия. Авангард // Семиотика и авангард : антология / под общ. ред. Ю. С. Степанова. М. : Академический проект : Культура, 2006. С. 5–32.

Чудакова М. О. Заметки о поколениях в советской России // Новое лит. обозрение. 1998. № 30. С. 73–91.

Шаргунов С. Карл Маркс — русский поэт [Электронный ресурс] // Новая газета — Ex Libris. 15.05.2008. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-05-15/8_poet.html (дата обращения: 28.01.2019).

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. С. Серебряного. СПб. : Symposium ; М. : Изд. РГГУ, 2005.

Kamińska A. Kategoria pokolenia we współczesnych badaniach nad społeczeństwem i kulturą: przegląd problematyki [Electronic resource] // Kultura i Historia. 2007. Nr. 11. URL: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/113> (accessed: 28.01.2019).

Leningrad: American Writers in Soviet Union / by M. Davidson, L. Hejinian, R. Silliman, and B. Watten. San Francisco : Mercury House, 1991 [Electronic resource]. URL: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/12290.htm (accessed: 28.01.2019).

Maciejewsky J. Przedburzowcy: z problematyki przełomu między romantyzmem a pozytywizmem. Kraków : Wyd. Literackie, 1979.

Quante M. Nachwort // Marx K. Weltgericht: Dichtungen aus dem Jahre 1837. Bohn : Verl. J. H. W. Dietz Nachf. GmbH, 2017. S. 368–369.

Wittstock U. Karl Marx: „Menschenleben“ [Electronic resource] // Frankfurter Allgemeine Zeitung: Frankfurter Anthologie. 10.06.2017. URL: <https://www.faz.net/aktuell/2.2907/frankfurter-anthologie-karl-marx-menschenleben-15053862.html> (accessed: 28.01.2019).

References

Aristov, V. (1997). *Zametki o “meta”* [Notes on “Meta”]. *Arion*, 4, 48–60. (In Russian)

Bakach, N. B. (1998). *Kul’turnaya paradigma kak ob’ekt sotsial’no-filosofskogo analiza* [Cultural Paradigm as an Object of Socio-philosophical Analysis] (doctoral dissertation). Volgograd. (In Russian)

Chudakova, M. O. (1998). *Zametki o pokoleniyakh v sovetskoy Rossii* [Notes on Generations in Soviet Russia]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 30, 73–91. (In Russian)

Davidson, M., Hejinian, L., Silliman, R., & Watten, B. (1991). *Leningrad: American Writers in the Soviet Union*. San Francisco: Mercury House. Retrieved from http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/12290.htm.

Eco, U. (2005). *Rol’ chitatel’ya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts] (S. Serebryanyi, Trans.). St Petersburg: Symposium; Moscow: RGGU Publ. (In Russian)

Kagramanov, Yu. (2008). Marks mezhdu poeziyey i algebroy [Marx between Poetry and Algebra]. *Novyy mir*, 10. Retrieved from http://magazines.russ.ru/novy_mi/2008/10/ka16-pr.html. (In Russian)

Kamińska, A. (2007). Kategoria pokolenia we współczesnych badaniach nad społeczeństwem i kulturą: przegląd problematyki [Generation Category in Contemporary Social and Cultural Studies: A Review of Issues]. *Kultura i Historia*, 11. Retrieved from <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/113>. (In Polish)

Maciejewsky, J. (1979). *Przedburzowcy: z problematyki przełomu między romantyzmem a pozytywizmem* [Anticipators: On the Problems of the Split between Romanticism and Positivism]. Kraków: Wyd. Literackie. (In Polish)

- Parshchikov, A. (2006). *Ray medlennogo ognya. Esse, pis'ma, kommentarii* [Paradise of Slow Fire. Essay, Letters, Comments]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ. (In Russian)
- Preobrazhensky, S. Yu. (1989). K tipologii mezhtekstovykh otnosheniy: allyuziya i tsitata [On the Typology of Intertextual Relations: Allusion and Quotation]. In T. A. Mikhaylova (Ed.), *Russkaya al'ternativnaya poeziya XX veka* [Russian Alternative Poetry of the 20th Century] (pp. 43–47). Moscow: MGU Publ. (In Russian)
- Quante, M. (2017). Nachwort. In K. Marx, *Weltgericht: Dichtungen aus dem Jahre 1837* (S. 368–369). Bohn: Verlag J.H.W. Dietz Nachf. GmbH. (In German)
- Rodnyanskaya, I. (1988). Nazad — k Orfeyu [Back — to Orpheus]! *Novyy mir*, 3, 240–244. (In Russian)
- Schem idem v mir? Materialy kruglogo stola [What are We Going into the World with? Materials of the Round Table] (1988). *Poeziya*, 50, 57–84. (In Russian)
- Severskaya, O. I. (2007). *Yazyk poeticheskoy shkoly. Idiolekt, idiostil', sotsiolekt* [Language of the Poetic School. Idiolect, Idiostyle, Sociolect]. Moscow: Slovari.ru Publ. (In Russian)
- Severskaya, O. I. (2011). Koordinatnyy kostyak vsey mirokolitsy. Metametafora v sovremennoy poezii [The Coordinates of the Universe. Meta-metaphor in Modern Poetry]. *Russkaya rech'*, 1, 37–42. (In Russian)
- Severskaya, O. I. (2013a). Lingvisticheskaya filosofiya metarealizma (poeziya i poeticheskaya metateoriya) [Linguistic Philosophy of Meta-realism (Poetry and Poetic Metatheory)]. In H. Stahl, & M. Rutz (Eds.), *Imidzh — dialog — eksperiment: Polyta sovremennoy russkoy poezii* [Image. Dialogue. Experiment: Fields of Modern Russian Poetry] (pp. 91–117). München; Berlin; Washington D.C.: Otto Sagner Verlag. (In Russian)
- Severskaya, O. I. (2013b). “Tot zhe svet, da ne tot zhe mir” (obraz Italii v stikhakh S. Solovyeva i V. Aristova) [“The Same Light, but Not the Same World” (the Image of Italy in Verses by S. Solovyov and V. Aristov)]. In *Dialog kul'tur: “ital'yanskiy tekst” v russkoy literature i “russkiy tekst” v ital'yanskoy literature*. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Dialogue of Cultures: “Italian Text” in Russian Literature and “Russian Text” in Italian Literature. Proceedings of the International Scholarly Conference] (Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, June 9–11, 2011) (pp. 161–172). Moscow: Infotech. (In Russian)
- Severskaya, O. I. (2017). Aktualizatsiya poeticheskogo vyskazyvaniya kak interpretatsionnaya praktika [Actualisation of Poetic Utterance as an Interpretative Practice]. In *Grammaticheskkiye issledovaniya poeticheskogo teksta. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Grammar Studies of Poetic Text. Materials of the International Scholarly Conference] (September 7–10, 2017, Petrozavodsk) (pp. 44–48). Petrozavodsk: PetrGU Publ. (In Russian)
- Severskaya, O. I. (2018). Obrazy raya v russkoy poezii kontsa XX v. [Images of Paradise in Russian Poetry of the Late 20th Century]. *Slovo.ru. Baltiyskiy aktsent*, 9, 2, 60–68. (In Russian)
- Shargunov, S. (2008, May 15). Karl Marks — russkiy poet [Karl Marx is a Russian Poet]. *Novaya gazeta — Ex Libris*. Retrieved from http://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-05-15/8_poet.html. (In Russian)
- Stepanov, Yu. S. (1985). *V trekhmernom prostranstve yazyka* [In the Three-dimensional Space of the Language]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Stepanov, Yu. S. (2006). Semiotika. Filosofiya. Avangard [Semiotics. Philosophy. Avant-garde]. In Yu. S. Stepanov (Ed.), *Semiotika i avangard: antologiya* [Semiotics and Avant-garde: An Anthology] (pp. 5–32). Moscow: Kul'tura. (In Russian)
- Wittstock, U. (2017, June 10). Karl Marx: „Menschenleben“. *Frankfurter Allgemeine Zeitung: Frankfurter Anthologie*. Retrieved from <https://www.faz.net/aktuell/2.2907/frankfurter-anthologie-karl-marx-menschenleben-15053862.html>. (In German)
- Zaytseva, A. (2010). Spektakulyarnyye formy protesta v sovremennoy Rossii: mezhdru iskusstvom i sotsial'noy terapiyey [Spectacular Forms of Protest in Modern Russia: Between Art and Social Therapy]. *Neprikosnovennyi zapas*, 4 (72), 47–69. (In Russian)

Zorin, A. (1991). "Al'manakh" — vzglyad iz zala ["Almanac" — a View from the Hall]. In *"Lichnoye delo №...": literaturno-khudozhestvennyy al'manakh* [Personal Data File No...: Literary and Artistic Almanac] (pp. 246–271). Moscow: Soyuzteatr Publ. (In Russian)

Северская Ольга Игоревна

кандидат филологических наук, ведущий
научный сотрудник отдела корпусной
лингвистики и лингвистической поэтики
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119018, Москва, Волхонка, 18/2
E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Severskaya, Olga Igorevna

PhD (Philology), Leading Researcher
Department of Corpus Linguistics and
Linguistic Poetics
V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
18/2, Volkhonka, 119018 Moscow, Russia
Email: oseverskaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6277-9756